

Aleksandr M. Kaluta

«Семантические хамелеоны» как маркеры раскола мира в сознании людей

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 4, 229-246

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

«СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАМЕЛЕОНЫ» КАК МАРКЕРЫ РАСКОЛА МИРА В СОЗНАНИИ ЛЮДЕЙ

Aleksandr M. Kaluta

*Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
akalynta@rambler.ru*

Ключевые слова: *картина мира, дуальные оппозиции, номинативная функция, дистинктивная функция, лексические маркеры*

Нет сомнений, что с помощью языка люди устанавливают контакты, объединяются. Однако в наше время массовых миграций населения и его повсеместного вживания в чужую культуру, при усилении противостояния взглядов на политическое, экономическое развитие общества, при столкновении религиозных воззрений отношение к происходящему иногда выражается через членение мира по признаку *свой-чужой*. Это один из основополагающих бинамов, делящий мир в сознании носителей языка и определяющий самосознание нации. Как отмечают исследователи, «оппозиция „свой-чужой” имеет универсальный характер и является неотъемлемой составляющей онтологических представлений о бинарной структуре мира» [Иссерс, Рахимбергенова 2007: 90].

Во многих языках проявление постороннего, иностранного выражается через прямые номинации понятия «чужой». Так в русском *чужак* «пришлый, посторонний человек», а *чужеземец* – «иностранец»; в английском *strange* «чужой, незнакомый, странный», *stranger* «иностранец», *foreign* «чужой, иностранный»; в итальянском *alieno* «иностранец, чужой»; в болгарском *чужденец* «иностранец»; в венгерском *külföldi* «иностранец, чужой»; в немецком *ausländische* «чужой, иностранный»; в турецком *yabancı* «чужой, иностранец»; в шведском *utländska* «чужой, иностранный»; в финском *ulkomainen* «чужой, иностранный» и т. д. Эти номинации определяют внешние границы, отделяющие своё, национальное от инородного, пришлого.

Но и внутри общества происходит раскол по признаку *свой-чужой*, и основания для такого размежевания разные. В неполитической сфере жизни широко распространено сакраментальное «понаехали тут», отражающее негативное отношение к сильно выросшему числу мигрантов. В сфере политики в 2005 г.

в России властью было создано молодёжное движение «Наши», которое «легализовало», оформило политическое противостояние внутри общества. Вот лишь одна цитата: «В столице прошёл форум движения „Наши“. Сторонники действующей власти собрались на Манежной площади». Таким образом, здесь «наши» – это те, кто разделяет политические взгляды определённой группы лиц. Часто именно журналист через какие-то языковые маркеры влияет на формирование общественного мнения, так как он занимает «позицию, в которой отражается как его собственное мнение, так и мнение социальной группы, которую он представляет. Трансляция этого мнения на массовую аудиторию представляет значимый фактор формирования общественных настроений» [Иссерс, Рахимбергенова 2007: 90]. Добавим, что этот фактор настолько значим, что способен усиливать ксенофобские настроения в обществе и таким образом способствовать в нём расколу.

В советском обществе разделение по признаку *свой-чужой* проходило и в зависимости от величины достатка. В этом тоже отражалась идеология, привитая большевиками: бедный – значит наш, свой, богатый – не наш, чужой, буржуй. Вспомним фразу из фильма Гайдая: «Наши люди в булочную на такси не ездят!» – слыть богатым вроде как было стыдно, недостойно советского человека.

Спортивные привязанности нередко проявляются в вопросе «Как наши сыграли?», где «нашими» могут быть представители и страны, и города, и какой-то городской команды.

Часто одобрение/неодобрение чьих-либо действий выражается лапидарной формулировкой «Наш человек!», а радость по случаю победы – «Наша взяла!». По существу *свой(наш)-чужой(не наш)* – это преобразованная, существовавшая с доисторических времён антитеза *мы – они*, являвшаяся признаком национального самосознания в эпоху становления наций. Как отмечал Вяч.Вс. Иванов, «главной чертой наиболее ранних мифологий является именно их дуалистический характер» [Иванов 1999: 85]. Картина мира современного общества также характеризуется дуальной организацией её составляющих, и оппозиция *свой – чужой* становится определяющей в списке социокультурных разделений. Причём главное в ней – выражение неприятия, отторжение чужого.

Язык по-особому отражает отношение представителей одной культуры, одной этнической принадлежности к проявлению действия своего и чужого. Кроме открытых, очевидных оценок типа «хороший-плохой», «прекрасный-безобразный», в нём существуют завуалированные, скрытые оценки. В любом языке мира есть этнофолизмы – слова с негативной оценкой представителей другого этноса, иной религии. Причины появления таких слов следует искать в истории взаимоотношений народов, во взглядах на их роль в истории, в религиозных и культурных различиях. Чем больше контактов существует между двумя народами, тем больше вероятность появления в их языках этнофолизмов. В свою очередь, «преобладание негативно-оценочного прагматического потенциала в газетных текстах, а в некоторых случаях даже нагромождение негативных оценок поддерживает неприятие другого этноса и вызывает внутреннюю агрессию читателей» [Иссерс, Рахимбергенова 2007: 94]. Не вдаваясь в детализацию, приведём примеры.

Ещё в древнегреческом появилась форма βάρβαρος для обозначения «варваров, не-эллинов», в древнееврейском ׀ל goy «племя; не-еврей, язычник». «По-

добно тому как в Греции «эллины» противопоставлялись «варварам», так в древнем Китае «ся» (хуася) – «варварам четырёх стран света». Хотя само по себе понятие «варвары» эволюционировало как в Греции, так и в Китае, для него в целом было характерно приписывание всем людям, не относившимся к «нашей» этнической общности, определённых врождённых свойств. Варвар – это неполноценный человек» [Крюков 1984: 10]. Сравните в русском: чучмек, чурка, урюк «представитель среднеазиатских народов», макаронник «итальянец», фриц, колбасник «немец», лягушатник «француз», негрила, негатив «африканец», чукча «глупый человек», хохол «украинец», пшек «поляк», «черножопый» «житель северокавказского региона», чухонец «финн, эстонец», лабус «литовец», в украинском кацап, москаль «русский» [см. Грищенко, Николина 2006: 176], в английском spic(k), spig «итальянцы, испанцы», ou-la-la girl (досл. «девочка у-ля-ля», «француженка»), Nigger «негр», в турецком gâvug «неверный», mason «еврей», yamyat «африканец» (букв. «людоед»), çingene «крумын» (букв. «цыган») и т. д. [О мотивировках этнофолизмов см. Грищенко 2007].

Однако проявления своего и чужого можно заметить и в другом. Часто бытовая ситуация, политическая или иная конъюнктура ставят носителя языка перед выбором лексического варианта, и он выбирает вариант, выгодный ему. При этом прагматическая цель, которую преследует говорящий, ведёт к замене у понятия этикетки (слова), приводит за собой языковой вариант. Соотносимое со *своим*, слово обладает положительной коннотацией, соотносимое с *чужим* – отрицательной. Вопрос только в том, что считать своим или чужим. А здесь можно найти несколько вариантов.

Так, газета «Правда» в редакционной статье от 28 января 1936 года «Сумбур вместо музыки» резко раскритиковала оперу Д.Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». В статье было сказано: «На сцене пение заменено криком. Если композитору случается попасть на дорожку простой и понятной мелодии, то он немедленно, словно испугавшись такой беды, бросается в дебри музыкального сумбура, местами превращающегося в какофонию». Такое отношение к музыке Шостаковича обобщено в заголовочной антитезе *сумбур-музыка*, что подкрепляется политическим фоном: «Не потому ли похваливает её буржуазная публика, что опера эта сумбурна и абсолютно аполитична? Не потому ли, что она щекочет извращённые вкусы буржуазной аудитории своей дёргающейся, крикливой, неврастенической музыкой?». Ряд дополнительных к слову *сумбур* лексических маркеров призваны укрепить читающих во мнении относительно негативной оценки оперы: *буржуазная аудитория, её извращённые вкусы, музыка аполитичная, дёргающаяся, неврастеническая, крикливая*. Из статьи становится понятно, что чужой буржуазной публике с её извращённым вкусом может нравиться и сумбур, а «наш советский слушатель» ценит настоящую музыку, политически верно окрашенную.

Как известно, основное предназначение слова – выполнять номинативную функцию, называть предметы, процессы и т. д. Но есть ситуации, при которых в рамках номинативной функции действует дистинктивная, «различительная подфункция», проявляющаяся в выборе лексического варианта – формы с определённой коннотацией. Наличие различительной способности слов при общем

понятийном значении – одно из важных условий латентного позиционирования говорящего в социуме и его отношения к объекту речи. А.Р. Лурия, исследуя номинативную функцию применительно к проявлениям афазии, писал: «Когда мы видим предмет..., у нас всплывает не одно название, а целый комплекс связей, в которые данный предмет включён. Обозначая (или называя) предмет, мы должны выделить из этих возможных альтернатив одну связь, затормозив все остальные, и тем самым фактически произвести работу, аналогичную той, которая происходит при выработке дифференцировки» [Лурия 1969].

Таким образом, под дистинктивной функцией слов следует понимать их способность вызывать ассоциации определённого толка и выбирать из них одну, исходя из складывающейся конъюнктуры высказывания (прагматики). Проследим эту работу дистинктивной функции на «классическом» примере пары слов *разведчик-шпион*.

В издании «Русский базар» читаем: «В бывшем Советском Союзе никакой терминологической путаницы в этом вопросе не было: „наши” – разведчики, „ихние” – шпионы. Невозможно даже представить себе фильм „Подвиг шпиона” с Павлом Кадочниковым в роли майора Алексея Федотова, он же Генрих Эккерт. А как бы проиграл от такой замены слов газетный заголовок: „Разоблачена банда империалистических разведчиков, действовавшая в пункте приёма возвратной стеклопосуды продмага № 2”». [„Русский базар” 2005, № 17]. Таким образом, здесь лексические варианты *разведчик-шпион* предельно чётко соотнесены с биномом *свой-чужой* в «национальном масштабе».

Журнал «Огонёк» в статье о Хермане Симме, задержанном эстонской контрразведкой по подозрению в работе на спецслужбы России, пишет: «На первый вопрос журнала, кем он себя считает, разведчиком или шпионом, Симм так и не даёт прямого ответа. „Для Эстонии, безусловно, шпион”, – сказал Симм, но тут же добавил, что присягу давал Советскому Союзу» [„Огонёк” 2009]. Агент Симм, находясь в Эстонии и работая против неё, осознаёт, что, нанося ей вред, должен называться шпионом, но так как он работает на Россию, то является, безусловно, разведчиком. Этот пример ещё раз иллюстрирует мысль, что «по отношению к понятиям слова <...> являются своего рода переменными величинами» [Норман 1987: 42]. А самому Симму, очевидно, можно было бы поставить диагноз раздвоения личности – вот до чего доводят игры взрослых! Вяч. Вс. Иванов писал по схожему поводу: «На основании данных по детской психологии можно думать, что в определённый период ребёнок делит образ взрослого (в частности, своей матери) на два образа – хороший и плохой. Такое же двоичное деление (на своё и чужое, хорошую и плохую сказочную страну...) наблюдается и в детских играх» [Иванов 1999: 101-102].

Интересно, что выбор прагматически сориентированной коннотации не только образует идеологически «делIMITативную» линию, но и объединяет вокруг какой-то «общенациональной» идеи. Так, в паре *солдат-боевик* первое слово «принадлежит» власти: *солдат* защищает правое дело, тогда как *боевик* выступает на стороне дестабилизирующих сил. Вот лишь несколько примеров: «Трое похищенных пакистанских солдат в четверг утром стали жертвами боевиков, сообщают представители силовых ведомств страны»; «В ходе боёв

в провинции Северный Вазиристан, которые идут уже три дня, погибли 45 пакистанских солдат и 150 боевиков-талибов»; «Перуанские боевики расстреляли 13 солдат»; «Боевики сажают солдат на дешёвый героин, подрывая их боевой дух. Подобным же образом моджахеды пытались сломить советских солдат» (Здесь и далее подчёркивание моё – А.К.). Здесь «своим» оказывается нейтральное *солдат*, а «чужим» – пейоратив *боевик*. Выбирая тот или иной лексический вариант, адресант не только через него выражает своё отношение к событиям, но и привлекает на свою сторону адресата, исподволь воздействуя на него выбранным лексическим вариантом.

Пары слов, различающихся по признаку *свой-чужой*, способны выстраивать синонимические ряды. Так, к «своим», кроме *солдата*, относится *воин, боец, защитник*, к «чужим», кроме *боевика – террорист, моджахед, дух, противник*. Несколькими пейоративами расширяется пара *помощник-пособник: приспешник/прихвостень/подручный*. Вот примеры: «В настоящий момент речь идёт всего лишь о поиске террористов и их пособников, которым, по версии защиты, всё же удалось скрыться» («Труд», 14.02.2011). «Полиция государства Бангладеш арестовала одного из подручных главаря исламских радикалов и индийских мафиозных кланов Давуда Ибрагима» (Рамблер 2011). Вы сказали: «За это преступление отвечает Сталин и его приспешники» (Из открытого письма В. Илюхина Д. Медведеву). «Российский приспешник тоталитарной секты Муна спешит замести следы её опасной для общества деятельности» (Заголовок в газете). Дело Демьянюка: «Фашистский прихвостень понёс заслуженную кару» (Интерфакс). Как мы видим, практически всегда пейоративу сопутствуют иные лексические средства, в которых концентрируется оценочное выражение описываемых событий: *террорист, главарь, исламский радикал, мафиозный клан, преступление, тоталитарная секта, фашистский*. Вместе они призваны усилить впечатление от информации и привлечь «на нашу» сторону всех читающих.

Главарь международной банды налетчиков задержан в Гродно

Главарь международной банды налетчиков задержан в Гродно

В паре *командир-главарь* также прослеживается объединяющее нацию чувство неприятия криминального и поддержка позитивных сил. Вот некоторые заголовки последнего времени из российской и белорусской прессы: «Главарь международной банды налётчиков задержан в Гродно»; «Арестован главарь организаторов терактов в Турции»; «Главаря банды, которая готовила теракты в Москве, <...> привезли в СИЗО „Лефортово“»; «При ликвидации главаря банды „Губденская” погиб командир роты „зубров”». И хотя словари синонимов включают лексемы *командир-главарь* в один синонимический ряд, поменять их местами никак невозможно в силу их различной оценочно-смысловой маркированности. Представьте невероятное: «При ликвидации командира банды, погиб главарь роты „зубров”».

Может быть, раскол общества по признаку *свой-чужой* наиболее характерно выражен парой *восстание-мятеж (революция-буча, восстание-путч)*. События, произошедшие в России в 1917 году, а также их последствия на страницах мно-

гих изданий отмечены особыми лексическими маркерами. Не обязательно объявлять себя сторонником той или иной точки зрения на произошедшее, достаточно произнести одно слово: *революция* или *мятеж*, и ваше отношение к произошедшему, ваши политические пристрастия станут очевидны. Вот примеры диспута о событиях 1918 года в Ярославле на одном из форумов: «*Мятеж* – это кучка загнивших контрреволюционеров предприняла попытку захвата законной и народной советской власти в нашем городе». «Кучка недобитых белогвардейцев не согласилась с потерей хоромов, заводов и слуг, решила поднять *бучу*, но части рабоче-крестьянской Красной Армии не очень-то хотели возвращаться в разряд холопов и подавили *мятеж*» (орфография сохранена – А.К.). Обратим внимание на дополнительные оценочные средства воздействия на адресата, которые в изобилии присутствуют в такого рода спорах: *кучка недобитых белогвардейцев, кучка загнивших контрреволюционеров, хоромы* (устаревшая форма слова как знак ушедшего мира), *холопы*. Ну а *части рабоче-крестьянской Красной Армии* лишней раз выражают латентные политические пристрастия адресанта.

А вот другой взгляд на события: «*Восстание* – это ярославские патриоты, настроенные против террора большевиков, предпринявшие отчаянную попытку восстановления законной народной власти в нашем городе. В советское время существовало словосочетание „ярославский *мятеж*”. Когда началась перестройка, заговорили, что никакого мятежа не было. Это было восстание народа против незаконной советской власти». Интересно, что некоторые участники дискуссий сами соотносят свои политические пристрастия с выбранными лексическими вариантами: «Восстание или мятеж тождественны, разница лишь в смысловых оттенках. В зависимости от своих политических предпочтений авторы могут склоняться то к одному, то к другому названию. Относительно того, что июльские события были народным восстанием: возможно. Но тогда возникает вопрос: законна ли была в 1918 г. советская власть? Полагаю, попытка построить логическую цепочку может привести человека в зависимости от его политических убеждений к разным выводам».

Оперируя одним и тем же понятием, адресанты выбирают словесную форму, наполненную нужным им оценочным содержанием. Как писал Арсений Тарковский:

*Слово только оболочка,
Плёнка, звук пустой, но в нём
Бьётся розовая точка,
Странным светится огнём... («Слово»)*

Деление мира по признаку *свой-чужой* происходит не только из-за разных взглядов людей на политические события, но и из-за их различных эстетических вкусов. Так, полярные отношения к произведению живописи могут быть выражены через пару слов *искусство-мазня*. Популярная ранее на российском ТВ телепрограмма «Времечко» поднимала тему «Как отличить произведение искусства от мазни?» (2007 г.). На интернетовских форумах не утихают эмоциональные споры об авангарде в искусстве: «Да это полный маразм! Абстракционизм не показал себя, потому что это не искусство, а *мазня*. Адекватно

воспринимать творчество Малевича можно только в контексте всей мировой культуры и истории живописи – только так видно его значение, и только так можно понять смысл его экспериментов». «Мазню Малевича, к слову, покупают тоже за баснословные суммы. Только разве это искусство? Мазня – она мазня и есть, не больше и не меньше». «Искусство принадлежит народу, т.е. в том числе и мне. И именно мне судить, что искусство, а что мазня. И вот это (изображён некий абстрактный рисунок – А.К.) безусловная мазня, и она никогда искусством не станет».

Жизнь постоянно опровергает мнение, что «о вкусах не спорят» – спорят, и ещё как! Как бы выполняя ленинскую установку «искусство – в массы», «массы» расписывают в городах стены домов, заборы и тумбы всевозможными граффити. Государство иногда пытается направить эту стихию в нужное русло, официально разрешая разрисовывать стены домов. Но не всем это нравится: «Когда вижу граффити на улицах нашего города, всегда удивляюсь безвкусице конаковских любителей этого вида «искусства». А ещё становится интересно, что означает подобная «мазня», и что хотел сказать автор нам, конаковцам», – пишет житель г. Конаково, которого не устраивает такое проявление уличного творчества.

Эти и другие примеры раскола мира приводят к выводу о том, что в языке время от времени проявляется принадлежащая некоторым словам скрытая семантическая категория, которую можно назвать категорией субъективной или личностной оценки. Понятия, через которые обнаруживается существование этой категории, под воздействием прагматической цели адресанта способны проявлять разные варианты коннотации. Это становится возможным также благодаря тому, что оценочные свойства соответствующего денотата переменчивы из-за способности говорящего менять своё к ним отношение. Слова, обладающие такими понятиями, можно назвать «семантическими хамелеонами».

Вяч. Вс. Иванов, оценивая двоичный код культуры, писал: «Двоичные модели мира, в которых каждое явление относится к одному из двух эмоционально окрашенных полюсов, в последнее время противопоставляются современному научному подходу, исключающему дуализм архаических мифологий» [Иванов 1999: 531]. Итак, речь идёт о различной оценке одного и того же явления.

Сравнивая несовпадение картин мира в различных культурах, исследователи отмечают: «Различия в культурах могут сказаться в том, что в разных языках слова, совпадающие по денотату, могут различаться коннотативной семантикой» [Мечковская 1996: 54]. Но ведь то же свойственно и внутриязыковым процессам, так как национальная культура неоднородна: наши оценки события напрямую зависят от политических, эстетических, художественных и иных пристрастий, вкусов, представлений о «правильном» устройстве мира. Таким образом, сигнификативная сторона некоторых знаков в форме коннотаций способна «мимикрировать», изменяясь в зависимости от субъективной позиции говорящего. Применительно к «семантическим хамелеонам» такое изменение сигнификативной стороны знака всегда означает следующее: «Бинарная оппозиция «свои – чужие», «мы – они» как в сознании человека, так и в языке имеет онтологический статус, причём «чужое»,

имеющее отношение к «ним», изначально маркировано всегда отрицательно» [Грищенко, Николина 2006: 176].

В силу неодинаковости восприятия событий разными людьми и неоднородности национальной культуры в ней при оценке одного явления всегда присутствуют «эмоционально окрашенные полюса». Так происходит размежевание по признаку *свой-чужой*, хотя основания для такой «хамелеонизации» понятия могут быть разные. Отобранные нами пары слов, названные «семантическими хамелеонами», условно можно разделить на 4 группы в зависимости от их тематической принадлежности (таблица 1).

Таблица 1

Тематическая маркированность «семантических хамелеонов»

1. Понятие идеологически маркировано	2. Понятие политически маркировано	3. Понятие эстетически маркировано	4. Понятие маркировано на бытовом уровне
разведчик-шпион	революция-мятеж	музыка-сумбур	друг-собутыльник
солдат-боевик	народ-сброд/толпа	искусство-мазня	воспитанник-выкормыш (2)
командир-главарь	собрание-сборище	сделать-сляпать	коллега-сообщник (1)
партизан-террорист	группа-кучка	написать-состряпать (2)	праздник-пьянка
помощник-припешник/прихвостень	критика-пасквиль (1)		уговаривать-подстрекать (2)
правительство-хунта	выдумка-измышление		собрать/создать (группу)-сколотить (2)
умереть/погибнуть-сдохнуть (4)	сделать-сфабриковать		
	воскликнуть-взвизгнуть (4)		

* Цифры после некоторых пар указывают группу, где эта пара также могла бы оказаться.

Составляя эту таблицу, мы столкнулись с трудностями. Очевидно, что распределение некоторых пар по группам неоднозначно из-за того, что слова не принадлежат какой-то одной теме и могут использоваться в разных контекстах. Например, контекст политический: «В данном докладе ни разу (ни разу!) не процитирован ни В.И. Ленин, ни И.В. Сталин. Зато я насчитала там шесть цитат Энвера Ходжи, причём цитат с общими местами. И тут у меня возникает уже вполне серьёзный вопрос – а не собрались ли отщепенцы во главе с Коробовым сколотить в России группу, которая считает своим учителем Эн-

вера Ходжу, называет СССР „фашистским государством” и поддерживает любого, кто выступает за отделение от России?» (my.mail.ru). «Россия намерена снова собрать „Группу действий” по Сирии» («Вести»).

Контекст бытовой: «В реабилитационном центре алкаши сколотили преступную группу» («Аргументы недели. Крым»); «Сколотив преступную группу, скромный клерк умыкнул из родного ведомства почти 211 млн. тенге» («Казахстанская правда»).

Контекст эстетический: «Дети участников легендарной группы The Beatles готовятся объединиться и создать группу» (ultra-music.com).

Но при всей условности и даже, возможно, спорности такого распределения пар, как нам кажется, есть закономерности в систематизации понятий, относимых к «семантическим хамелеонам».

«Семантические хамелеоны» первой группы идеологически в том смысле, что они «общенациональны», что «свой/наш» «борется за правое дело», работает на страну, а «чужой/не наш» – против неё. То есть они объединяют нацию по внешнему вектору: «наши» – *разведчик, солдат, командир, партизан, помощник* могут умереть или погибнуть. «Не наши» – *шпион, боевик, главарь, террорист, приспешник/прихвостень* могут *сдохнуть*. Впрочем, «хамелеон» *приспешник* может оказаться и в политизированном, и в бытовом контекстах: «Но, в конечном счёте, властям и их приспешникам не удалось возложить ответственность за гибель Цветаевой на её близких и на неё самое» (Ронен Омри, «Молвь»). «Не успели глуповцы опомниться от вчерашних событий, как Палеологова, воспользовавшись тем, что помощник градоначальника с своими приспешниками засел в клубе в бостон, извлекла из ножен шпагу покойного винного пристава и, напоив для храбрости троих солдат из местной инвалидной команды, вторглась в казначейство» (Салтыков-Щедрин М.Е. «История одного города»).

Идеологически маркированной поэтому оказывается и пара *правительство-хунта*, особенно ярко заявившая о себе после свержения в Чили «чёрными генералами» правительства Сальвадора Альенде. Вот что писала пресса того времени: «Действия хунты в области экономики лишний раз подчёркивают, вопреки воле генералов, что правительство Альенде проводило единственно разумную политику, способную вывести страну из того хозяйственного тупика, в который её загнали предшествовавшие ему буржуазные правительства» («Новое время» 1973, № 50). Правда, в наше время идеологическое размежевание, выраженное этими «семантическими хамелеонами», проходит уже внутри общества, разделённого политическими пристрастиями на партии, группировки и т. д. Вот заголовков в СМИ 2006 года: «Истинные питерцы» готовят отставку правительства. Раскол в партии власти. Внутрипартийную хунту возглавляет Владимир Плигин». По существу, здесь «хамелеонь» (на то они и хамелеоны!) меняют идеологическую окраску на политическую, что сближает их со словами второй группы, где проявляется маркированность слов в том, что они становятся метками политических пристрастий. Таковы, к примеру, приводившиеся выше оценки событий в России октября 1917 года (*революция-мятеж*).

Линию политизации понятий можно проследить на примерах других «хамелеонов» этой группы. Ярким подтверждением этому становится пара *народ-*

толпа/сбород: «У кого есть будущее? У россиянской толпы или у Русского народа?» (Pravda-tv.ru). Заметим, что в тексте «семантическим хамелеоном», как правило, сопутствуют дополнительные средства воздействия на адресата, а в этом примере размытое новое образование «россиянская» (даже не *российская*!) противопоставлено конкретному «Русскому», к тому же усиленному символическим написанием с прописной буквы.

Ещё пример: «Если послушать современных политиков и идеологов, то их понимание народа совсем иное. Из елейных речей о воле народа, о благе народа и т. п. народ предстает как толпа потребителей-иждивенцев, которые ждут-не дождутся, пока их облагодетельствует добрая власть, наставит мудрый учитель. И политики пускаются в состязание, кто из них перед лицом этой толпы окажется самым добрым и мудрым. В ход идут любые уловки, чтобы заручиться расположением простодушной толпы» (Psylyve.ru, оригинальное написание сохранено – А.К.).

Вообще же стремление различать народ и толпу проявлялось с древности: «Рождение «охлоса» из «демоса», толпы из народа – материя, обсуждавшаяся Аристотелем и Полибием, но крайне слабо заметная в греческой историографии» (Ковельман А.Б. «Рождение толпы: от ветхого к новому завету». М., 1994, с. 123-137). Такое различие объясняется, в первую очередь, целями – духовными или разрушительными, которые преследуют движение народных масс.

И уж совсем за гранью приличий выглядит «хамелеонизация» понятия в следующем высказывании: «Народ России – это звероподобный сбород, которому просто нельзя давать возможность свободно выбирать» (News.bsm.ru).

И, наконец, посмотрим, как причудливо переплетаются эстетическая и политическая составляющие «хамелеонов» в «Гариках» И. Губермана:

*Я вдруг утратил чувство локтя
С толпой кишащего народа,
И худо мне, как ложке дёгтя
Должно быть худо в бочке мёда.*

Ещё одним примером политически маркированных слов является пара *собрание-сборище*. Выбор контекста, в который «помещается» «хамелеон», эквивалентен соответствующим политическим пристрастиям: «Всебелорусское народное собрание превратилось в сборище заговорщиков» («Белорусские новости», 2010). «Тем временем регионалы раскритиковали сегодняшний процесс, который происходит в Раде: „Это обычное сборище, как мы его называем в кулуарах. Заседание Рады может провести только спикер. А это просто человек 20 соберутся в буфете выпить по рюмке и обсудить, кто, где и с кем катался на лыжах и как Новый год прошёл”, – говорит нардеп-регионал Михаил Чечетов» (ТСН, 2013). Характерной приметой этой пары стало наличие морфологического фактора – «усиливающего» суффикса, тогда как в предыдущих примерах «хамелеоны» различались исключительно семантически.

Пара *критика-пасквиль* помещена нами во вторую группу, хотя вполне может быть маркирована идеологически. При этом слово «пасквиль» настолько

сильно политически маркировано, что, кажется, и не требует дополнительного усиления: «Так что же такого пакостного написал о России этот «истинный джентльмен»? А написал он гнусный пасквиль о русских людях, причём в значительной мере для того, чтобы угодить современному ему читателю, падкому на экзотические рассказы о русском медведе и казаках-разбойниках» (Алексеев А.А. samlib.ru). Тем не менее, *пасквиль*, несмотря на предельную «хамелеонизацию» в стремлении автора выразить свою точку зрения, сопровождается целым эскортом дополнительных маркеров: *пакостный*, «*истинный джентльмен*», *гнусный*, *угодить*, *падкий*, *рассказни*. Автору, кажется, мало такого сильного средства выражения своего отношения к объекту описания как «хамелеон», его переполняют эмоции, и он выплёскивает их с помощью перечисленных средств.

И ещё пример того, как легко может политизироваться слово, становясь каналом, через который происходит выражение отношения говорящего к описываемому событию или человеку: «Зал взорвался аплодисментами. И тут судья Данилкин наконец не выдержал. «Прекратить аплодисменты! – взвизгнул. – Судебные приставы! Вы что стоите? Выведите, кто аплодировал. Перерыв на обед!» (Дело Ходорковского в суде).

«Хамелеоны» третьей группы маркированы эстетически. Выше мы уже приводили примеры, характеризующие пары *музыка-сумбур* и *искусство-мазня*. Вот примеры «хамелеонизации» глаголов *написать-состряпать* и *сделать-сляпать*: «Как состряпать хит для Евровидения?» (InoPressa, 8.07.2013). «Как *состряпать сериал?*» (Школа жизни.ру). «Как сляпать телесериал?» («Избачитальня»). «Находкин: проект исторического центра Калининграда «сляпали» за месяц по просьбе Бооса» (Калининград.гу, 2012). «Вы хотите сделать свою первую ставку, но не знаете как?» (info.parimatch.com).

А вот пример переплетения эстетики и политики: «Вот что могут состряпать вместе убеждённые поклонники Pussy Riot и возбуждённые больные умы» (Э. Лимонов об убийстве двух женщин сторонниками Pussy Riot с целью добиться их освобождения). В следующем примере «семантические хамелеоны» маркированы политически: «Власти Армении пытаются „состряпать” уголовное дело против Армена Саркисяна, – заявил лидер партии „Анрапетутюн” Альберт Базеян, выступая на митинге, организованном оппозицией 28 марта» (Кавказский узел.ру).

«Хамелеоны» 4 группы маркированы на бытовом уровне. Показательна пара *друг-собутыльник*, выбор составляющей которой, как правило, предопределяется гендерной принадлежностью говорящих. Вот как о них пишут на интернетовских форумах: «Но часто получается так, что друзья жены – это друзья, а друзья мужа – собутыльники. Иногда это действительно так, всем мужским компаниям времяпрепровождение со спиртным более свойственно».

Ещё одно почти философское наблюдение: «Друг или собутыльник? Этот вопрос актуальный каждому, кто решил померить аппетит своего организма на алкоголь. Страшные вещи выползают из-под дивана – старый друг, с которым неразлейвода, был только поводом, чтобы получить очередную дозу алкоголя. Вы встречаетесь, он пьет пиво, а ты сок. И на душе у обоих неприятный привкус твоего предательства. Стоп! Откуда этот присмак, и что он значит? Если поко-

паться глубже в своих чувствах, то обижается та твоя часть, которая хочет алкоголя. И та его часть, которая чувствует потенциальную угрозу (вдруг ты сможешь и его убедить не пить). Вот так оно и выходит, что нет друга, а есть собутыльник. Достаточно кому-то из вас перестать пить и дружбе этой конец» (Орфография и пунктуация сохранены – А.К.).

Не вызывает сомнений бытовой характер пары «праздник-пьянка»: «Хорошо, если праздник превращается в банальную пьянку, частенько пьянка перерастает в разборки с дракой, а то и с убийством». «Свадьба – для молодых праздник, а для гостей пьянка» и т.д.

Сложнее с парой *коллега-сообщник*, члены которой вписываются и в бытовой, и в идеологический контексты: «Инкассаторов мог убить их коллега – сообщник грабителей». «То есть сообщники террористов, которые продали им оружие – офицеры и прапорщики из Москвы...». «Обвиняемые Игорь Иванов и Александр Бородкин получили по 3,5 года общего режима. Их коллега и сообщник Валентин Калашников получил такой же условный срок, так как активно сотрудничал со следствием». «В попытке изнасилования российской девочки на пляже поселка Арамболь 26 января 2010 года задержан 21-летний сотрудник близлежащей фармацевтической фабрики Аман Бхарадвадж. Помощь в его поимке оказал его коллега и сообщник, который отвлекал мать девочки разговорами».

В заключение остановимся на итогах двух небольших психолингвистических экспериментов, проведённых в студенческой аудитории. В первом из них группе из 50 человек были розданы анкеты со списком «хамелеонов» с заданием: «После слова поставьте знак + (плюс), если вы одобрительно относитесь к понятию, которое оно обозначает. После слова поставьте знак – (минус), если вы отрицательно относитесь к понятию, которое оно обозначает. Если вы не знаете, как ответить, поставьте 0 (ноль)». Сводные итоги Эксперимента 1 представлены в таблице 2.

Результаты Эксперимента 1, в целом, подтверждают стремление носителей языка к поляризации оценок «семантических хамелеонов». К неожиданным отнесём оценку 6 слов.

Пары слов *восстание/революция-мятеж/переворот* оценены одинаково, причём в большей мере отрицательно одинаково (33 и 36 отрицательных оценок соответственно). Очевидно, что новое поколение 18-20-летней молодёжи, рождённой уже после распада СССР, не испытывает мощного пресса политической пропаганды, идеализировавшей события Октября 1917 г.

Неожиданно большое количество нейтральных оценок слова *насквиль* (36 при всего 8 отрицательных и даже 6 положительных), скорее всего, объясняется плохим знанием его значения, что может быть следствием падения частоты этого слова, бывшего очень популярным в политических текстах советского периода, которые использовали его для оценки антисоветских печатных материалов. Также по причине плохого знания значения у слова *измышление* зафиксировано 20 положительных оценок при 19 отрицательных и 11 нейтральных: очевидно, значительная часть молодёжи не видит существенных различий между словами *выдумка* и *измышление*.

Таблица 2

Поляризация оценок «семантических хамелеонов» носителями языка

<i>слова</i>	+ / - / 0	<i>слова</i>	+ / - / 0
разведчик	30-12-8	шпион	11-32-7
солдат	30-15-5	боевик	12-34-4
искусство	50-0-0	мазня	10-35-5
восстание, революция	14-33-3	мятеж, переворот	12-36-6
друг	48-1-1	собутыльник	5-43-2
коллега	36-5-9	сообщник	12-35-3
собрание	25-13-12	сборище	8-39-3
музыка	50-0-0	сумбур	10-30-10
критика	30-14-6	пасквиль	6-8-36
командир	22-24-4	главарь	8-33-9
праздник	47-0-3	вакханалия, пьянка	5-44-1
коллектив	41-3-6	банда, кучка	8-40-2
партизан	32-8-10	террорист	3-47-0
выдумка	36-9-5	измышление	20-19-11
герой	44-3-3	шахид	2-40-8
собрать (группу)	39-6-5	сколотить (группу)	10-31-9
помощник	44-3-3	припешник	12-27-11
написать	37-5-8	состряпать	14-30-6
правительство	20-18-12	хунта	2-23-25
народ	40-6-4	толпа, сброд	3-43-4
вещь	38-5-7	барахло	8-39-3
умереть	10-34-6	сдохнуть	3-44-3
сделать	43-2-5	сляпать	5-41-4
учить (кого-либо)	43-3-4	обрабатывать (кого-либо)	4-42-4

Большое число отрицательных оценок слова *командир* (24 при 22 положительных), наверное, стало следствием чувства противоречия. Свойственного молодым, которые не любят, когда ими командуют, когда их поучают. Критическое отношение к действительности вызвало у участников эксперимента появление большого числа отрицательных оценок слова *правительство* (18 при 20 положительных и 12 нейтральных). И, наконец, слово *умереть* вне контекста также вызвало много отрицательных оценок (34), что и понятно, хотя оно рассматривалось нами как противовес слову *сдохнуть*, получившему свои «законные» 44 отрицательных ответа.

В Эксперименте 1 обращают на себя внимание максимально возможные положительные оценки слов *искусство* и *музыка* (по 50): видимо, это такие объекты любви молодёжи, в которые им никак не хочется пускать критические стрелы. За ними следуют *друг* (48), *праздник* (47), *герой* и *помощник* (по 44).

Лидером по отрицательным оценкам стало слово *террорист* (47), за которым идут *сдохнуть* и *вакханалия/пьянка* (по 44), а также *собутыльник* и *толпа/сброд* (по 43).

Больше всего нейтральных оценок получили слова *пасквиль* (36) и *хунта* (25): очевидно, что значительная часть опрошенных слабо знает, в каких контекстах они используются.

В таблице 3 приводятся рейтинги по убыванию трёх типов оценок «хамелеонов», участвовавших в Эксперименте 1.

Таблица 3

Рейтинги трёх типов оценок «хамелеонов» из Эксперимента 1

<i>P</i>	<i>Позитивные оценки</i>	<i>P</i>	<i>Негативные оценки</i>	<i>P</i>	<i>Нейтральные оценки</i>
50	искусство, музыка	47	террорист	36	пасквиль
48	друг	44	вакханалия/пьянка	25	хунта
47	праздник		сдохнуть	12	правительство, собрание
44	герой, помощник	43	толпа/сброд	11	измышление
43	сделать, учить		собутыльник		приспешник
41	коллектив	42	обрабатывать (кого-л.)	10	партизан, сумбур
40	народ	41	сляпать	9	главарь, коллега
39	собрать (группу)	40	банда/кучка, шахид		сколотить (группу)
38	вещь	39	барахло, сборище	8	разведчик, написать
37	написать	36	мятеж/переворот		шахид
36	коллега, выдумка	35	мазня, сообщник	7	вещь, шпион
32	партизан	34	боевик, умереть	6	коллектив, умереть
30	критика, разведчик	33	восстание/революция		мятеж/переворот
	солдат		главарь		критика, состряпать
25	собрание	32	шпион	5	мазня, сделать, солдат
22	командир	31	сколотить (группу)		собрать (группу)
20	измышление	30	состряпать, сумбур		выдумка
	правительство	27	приспешник	4	боевик, толпа/сброд
14	восстание/революция	24	командир		сляпать, командир
	состряпать	23	хунта		обрабатывать (кого-л.)
12	боевик, сообщник	19	измышление		народ, учить (кого-л.)
	мятеж/переворот	18	правительство	3	восстание/революция
	приспешник	15	солдат		праздник, помощник

11	шпион	14	критика		герой, сообщник
10	умереть, сумбур, мазня	13	собрание		сборище, барахло
	сколотить (группу)	12	разведчик		сдохнуть
8	барахло, банда/кучка	9	выдумка	2	банда/кучка,
	главарь, сборище	8	партизан, пасквиль		собутыльник
6	пасквиль	6	народ, собрать (группу)	1	вакханалия/пьянка друг
5	вакханалия/пьянка	5	вещь, коллега, написать	0	искусство, музыка
	собутыльник, сляпать	3	герой, коллектив		террорист
4	обрабатывать (кого-л.)		помощник, учить (к.-л.)		
3	сдохнуть, толпа/сброд	2	сделать		
	террорист	1	друг		
2	хунта, шахид	0	искусство, музыка		
			праздник		

В Эксперименте 2 приняло участие также 50 человек. Им предлагалось из слов, записанных в скобках, выбрать нужное, на их взгляд, для данного предложения. Вот результаты Эксперимента 2: итоговые цифры в предложениях соответствуют очередности предъявления «хамелеонов».

1. (*шпион или разведчик?*)

Наши ...5-45... за рубежом выполняют важную для страны работу.

Иностранец ...45-5... был пойман во время получения секретной информации.

2. (*Солдат или боевик?*)

Пять ...46-4... пакистанской армии были похищены ...4-46... на севере страны.

3. (*Мятеж или восстание?*)

В результате вооружённого ...4-46... народ захватил власть в стране.

В результате вооружённого ...46-4... власть в городе захватил криминал.

4. (*Пьянка или праздник? Друг или собутыльник?*)

Муж жене: «Дорогая, я всю ночь был на ...0-50... со своими ...50-0...».

Жена мужу: «Мне надоели твои вечные ...50-0... с ...0-50...!».

5. (*Коллега или сообщник?*)

Наши ...50-0... разработали новую методику раннего обнаружения болезни.

Рецидивист Кирпич со своими ...0-50... попытался ограбить банк.

6. (*Главарь или командир?*)

...50-0... преступников оказал сопротивление милиции и был убит.

...0-50... партизанского отряда до войны был простым учителем.

7. (*Народ или сброд?*)

Царь приветствовал весь ...50-0..., стоявший на улицах города.

Главарь мятежников вывел весь этот ...0-50... на улицы города.

8. (*Написать или состряпать?*)

Я быстро ...35-15... докладную на имя директора.

Кто-то ...15-35... на меня донос и послал его нашему директору.

9. (*Выдумка или измышление?*)

...35-15... обо мне этого человека не соответствует действительности.

Литературные ...15-35... этого писателя всегда радуют.

Результаты Эксперимента 2, в основе которого были тексты, подталкивавшие его участников дополнительными маркерами к выбору «нужного» хамелеона, в целом, подтвердили итоги Эксперимента 1. В таблице 4 приводится список эскортных маркеров, предопределивших появление «хамелеона» в пустых местах предложений.

Таблица 4

Список эскортных маркеров

№ пп	Позитивный маркер	Хамелеон	Негативный маркер	Хамелеон
1	наш → разведчик		иностраный → шпион	
2	армия → солдат		похищен → боевик	
3	народ → восстание		криминал → мятеж	
4	я, мои → праздник, друзья		ты, твои → пьянка, собутыльники	
5	наши → коллеги		рецидивист → сообщники	
6	партизаны → командир		преступники → главарь	
7	приветствовать → народ		главарь → сброд	
8	я → написал		донос → состряпать	
9	литературные → выдумки*		обо мне → измышления*	

* Особо отметим пару 9 *выдумка/измышление*: даже наличие такого сильного позитивного маркера, как *радуют*, не стало подсказкой для 35 человек, которые использовали второй «хамелеон» в предложении *Литературные измышления этого писателя всегда радуют*. Лишний раз подтвердилось предположение, сделанное нами после Эксперимента 1, что значительная часть современной молодежи не видит разницы между словами *выдумка* и *измышление*.

Семантические «хамелеоны» есть во всех языках. Очевидно, что можно говорить о лексической универсалии, выражаемой посредством «хамелеонов», хотя в каждом языке могут быть свои регистры их маркированности. Скажем, состав «хамелеонов» белорусского языка заметно схож с русским не только количественно, но и по значению. Можно в качестве примера назвать пары *выведнік/разведчык – шпіён, салдат – баявік, камандзір – верхавод, памерці/згінуць – здохнуць, партызан – тэрарыст, памочнік – паслугач/прыхвасцень*. Но всё же требуется специальное исследование, которое позволило бы выявить универсальное и специфическое использование «хамелеонов» в белорусском социолингвистическом пространстве.

А вот в турецком языке содержательная сторона «хамелеонов» первой группы специфична: если пара *istihbaratçı/casus* совпадает, в целом, по оцен-

кам с *разведчик-шпион*, то пара *asker/terörist* отличается от русской *солдат-боевик* и оценками носителей языка, и значением.

Кроме того, для турецкого языка следовало бы выделить в отдельную группу слова, маркированные по религиозному признаку, например, *müslüman-gâvur*. Словом *gâvur* (русск. *гяур*) приверженцы ислама называли неверных – адептов иной религии (это слово является видоизменением арабского *кафир* с такой же негативной оценкой немусульман). Однако о результатах исследования «хамелеонов» турецкого языка, а также об итогах проведённых нами психолингвистических экспериментов с носителями турецкого языка стоит написать отдельно.

Создание дуальных оппозиций по линии *свой-чужой* уравнивает понятийную сторону языка. Языку, очевидно, выгодно создание подобных антиномий, которые своим существованием оттеняют, «выпячивают» оценочное значение членов оппозиций. Противопоставить – значит сравнить. И это сравнение часто скрыто от непосредственного наблюдения.

Библиография

- Грищенко А.И., 2007, *Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты*, [в:] *Активные процессы в современной лексике и фразео-логии: Материалы международной конференции 8-9 июня 2007 г. памяти Л.В. Ни-коленко и Ю.П. Солодуба*. МПГУ, ред. Н.А. Николина, М.-Ярославль, Ремдер, с. 40-52.
- Грищенко А.И., Николина Н.А., 2006, *Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды*, [в:] *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография*, ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Ми-хайлова, Труды Уральского МИОНа. Вып. 20, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, с. 175-187.
- Иванов В.В., 1978, *Чёт и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем*, Москва.
- Иванов В.В., 1999, *Избранные труды по семиотике и истории культуры*, Т. 1: *Знаковые системы. Кино. Поэтика*, Москва.
- Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х., 2007, *Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы)*. *Политическая лингвистика*, Вып. 3(23), Екатеринбург.
- Крюков М.В., 1984, *«Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний)*, [в:] *Этническая ономастика*, Москва.
- Лурия А.Р., 1969 *Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга*, Москва.
- Мечковская Н.Б., 1996, *Социолингвистика*, Москва.
- Норман Б.Ю., 1987, *Язык: знакомый незнакомец*, Минск.
- „Огонёк” 2009.
- Петроченко М.Н., 2005, *Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: Дис. ... канд. филол. н.*, Томск.
- „Русский базар” 2005, № 17.

Summary

“Semantic Chameleons” in the function of markers of society split within human consciousness

The article is analyzing the group of words which became peculiar lexical markers dividing the society within human consciousness in accordance with “friend-or-foe” criteria. The paper accentuates thematic groups of semantically marked pairs of words. The article presents results of experiment in which mother-tongue speakers make evaluation of “semantic chameleons”.

Key words: *world picture, dual oppositions, nominative function, distinktive function, lexical markers*